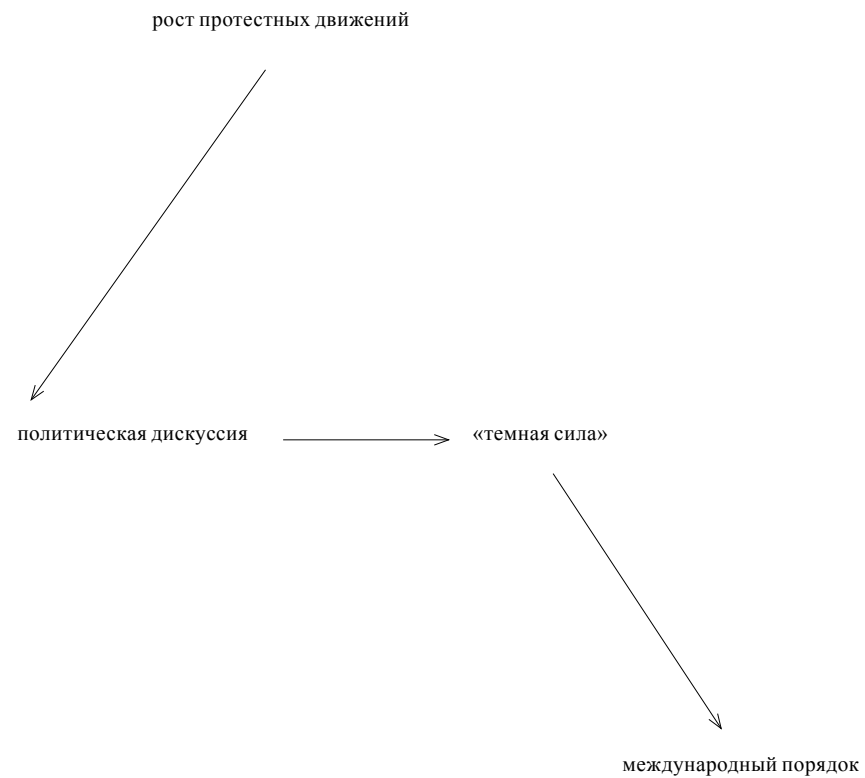

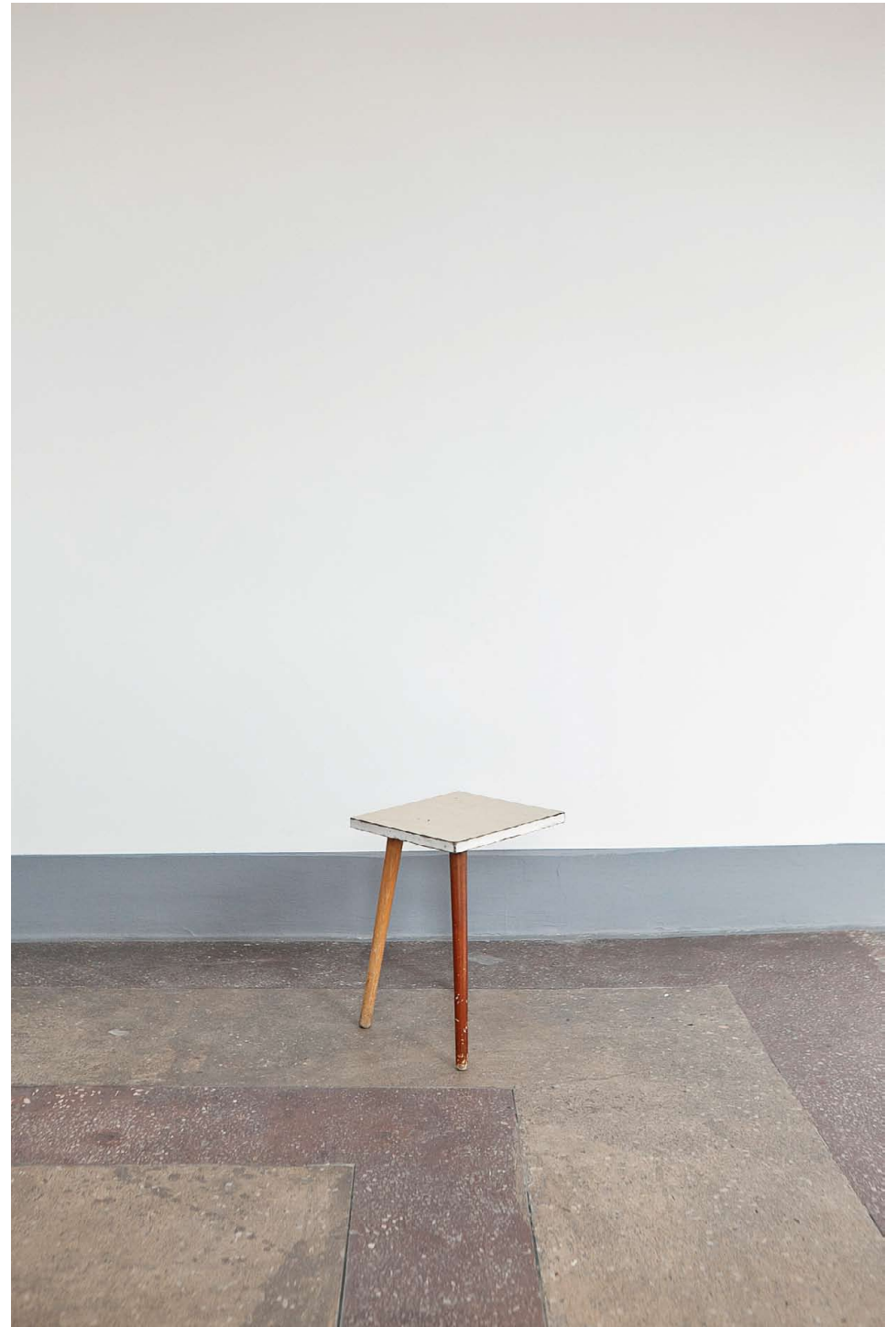
Почему важно избавляться от агрессивных режимов

Николас Фоушин •

Взвешенный взгляд американского политолога на геополитические изменения заметно отличается от того, как из современной России видятся протестная активность, угроза революций и усиление или ослабление авторитарных режимов.

Профессор факультета философии университета Эмори, специалист по политической философии.

«Культиватор»: Последнее время по всему миру прокатываются волны массовых уличных выступлений, порой сметающие казалось бы устоявшиеся политические режимы в целых регионах.

Означает ли это, что традиционно понимаемая политика умерла?

Н.Ф.: Вряд ли мы можем говорить о том, что «политика умерла». Если вы имеете в виду, что «большие» идеологии — такие как коммунизм, либертарианство и прочие — более не владеют умами, то да, можно считать, что они мертвы, во всяком случае сейчас. А политика в широком смысле, естественно, не умерла. Нам требуется политика, чтобы разобраться со множеством социальных проблем, большая часть которых появилась совсем недавно. Вот только некоторые из них. Экономические проблемы, когда бедные становятся еще беднее, а богатые богатеют. Экологические проблемы, связанные с загрязнением среды. Рост населения: семь миллиардов — слишком много для этой планеты. Технологические проблемы: многие из тех работ, которые раньше выполняли люди, теперь делают роботы, а значит, рабочих мест хватит всего для 3-4 миллиардов людей. Религиозные проблемы — когда отдельные конфессии не могут определиться с тем, как следует жить в XXI веке. Мы попросту не знаем, что противопоставить всем этим вызовам, которые требуют немедленного решения. И поэтому социальное обострение и демонстрации не вызывают удивления. Более того, они будут продолжаться.

Конечно, народные волнения не смогут дать действительного решения проблем современности. Они могут быть полезны для того, чтобы четче обозначить проблемы и напомнить политикам о том, что нечто должно быть ими сделано. Но в отдельных случаях рост протестных движений действительно приводит к революциям.

К.: Верно ли, что границы политического изменяются под воздействием социальной активности?

Н.Ф.: Если речь идет о том, что проблемы, о которых сообщают нам медиа, обусловлены деятельностью социально активных групп, то ответ будет положительный — как бы прискорбно это ни звучало.

К.: Что же представляет собой политика в наши дни?

Н.Ф.: Политика — это, попросту говоря, дискуссия, публичное обсуждение важнейших социальных вопросов, которая обычно, но не всегда, ведется правительственными институтами. Политическая дискуссия — это нечто всеобщее, в нее включены дискуссии почти обо всем. Но политическая деятельность — это то, чем занимаются исключительно определенные правительственные, а также политические организации.

К.: Протестные движения 60-х привели к серьезным трансформациям капитализма в западных странах и к концу «оттепели» в Восточной Европе. Каких последствий можно ожидать от новой волны протестов?

Н.Ф.: Те или иные массовые выступления наверняка будут продолжаться в разных уголках планеты, но их влияние в долгосрочной перспективе кажется мне сомнительным. Силы на то, чтобы изменить что-то, по-прежнему будут находиться в руках власти имущих. Поэтому в большинстве случаев все это кончится тем, что напряжение народных волнений будет поглощено властью, после чего она вернется к привычному для себя способу ведения дел.

К.: Можно ли сказать, что есть что-то общее между недавними массовыми выступлениями в Северной Африке, Европе, США и России?

Н.Ф.: Да, конечно. Все эти движения отражают недовольство в первую очередь экономической ситуацией. Выступления в североафриканских странах, возможно, немного отличаются, поскольку там религиозный вопрос сильно смешан с экономическим. Но в основе своей все эти движения сходны. Почти все они инициированы молодыми людьми, которые не имеют работы и не представляют, какая работа могла бы иметь для них значение.

К.: Случай Ливии показал нам, на какие меры готово пойти международное сообщество ради разрешения внутривосточного кризиса в отдельной стране. Верно ли, что поддержка восстания и смена режима становятся принципом, легитимирующим развязывание войны?

Н.Ф.: Идея смены режима в другой стране всегда присутствовала в теории справедливой войны. Если вы столкнулись с несправедливым режимом, к примеру, нацистским, то недостаточно просто остановить его агрессию. Необходимо, чтобы кто-то предотвратил возможность этой «темной силы» вести себя агрессивно в будущем. А это означает, что от агрессивного режима необходимо избавиться.

К.: С другой стороны, пример Ливии продемонстрировал, что США продолжают владеть инициативой в международной политике. Какова роль Европы в современном международном порядке? Может ли она измениться в обозримом будущем?

Н.Ф.: Это естественно, что, когда ливийцы восстают против тирана, мировое сообщество обращает свои взоры на США, полагая, что именно эта страна возьмет на себя инициативу. Сегодня США — единственная страна, обладающая военными ресурсами, которые могут действительно что-то изменить. Военные ресурсы Европы ограничены. Еще до того, как закончилась «холодная война», Европа хотела, чтобы Соединенные Штаты имели в ней значительное военное присутствие, равно как и в остальном мире, а также оплачивали расходы, связанные с поддержанием этого присутствия. Европейцы в действительности не исполняют свои обязанности по обеспечению сильного и, хотелось бы верить, справедливого военного присутствия в мире. Европа сейчас столкнулась с невероятными экономическими трудностями. Она попросту не может сказать Соединенным Штатам: «Мы будем тратить больше на усиление нашего военного представительства и поможем снять это бремя с ваших плеч». И я не вижу причин, по которым эта ситуация может измениться в ближайшем будущем.